

ПЕСНИ

Рассказ

Я всегда любила петь. Лет с шести легко запоминала песенки из мультфильмов, а нравились больше взрослые песни. Не всё в них понимала, но они волновали. До сих пор нет-нет, да и вспыхнут во мне далёкие мотивы: звук ли какой нечаянно напомнит, день ли сочно высветится, как в детстве.

Летние месяцы мы проводили на даче, на берегу Ахтубы. Обычно, пока мама готовила завтрак, мы с папой бежали на речку. Верней, бежала я — прямо из постели, в одних трусиках. А папа — в шортах, с полотенцем через плечо, шёл степенным морским шагом. Осанистый, высокий, загорелый, голову держал гордо, жёсткие волосы, зачёсанные назад, открывали упрямый лоб, широкие брови строго нависали над глазами. Мне представлялась на папе бескозырка с золотыми буквами «БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ». Ленты с золотыми якорями на концах. Ленты развевались прямо от затылка, и чёрный околыш сливался с папиными волосами.

На День Военно-морского флота папа надевал дембельскую форму и превращался в самого красивого мужчину в мире. Мы шли гулять на набережную. Мама — тоже нарядная, в белых туфельках-лодочках, в горчичном платье, вышитом бисером. Капельки переливались на солнце, как живые! Я мечтала, чтобы и у меня было такое платье. Помню и своё — светло-розовое, с узорчатой мережкой по кокетке и подолу. Волосы мои мама собирала в высокий хвост, и он, завязанный белым капроновым бантом, расцветал большим упругим бутонем. Я шла между мамой и папой, держась за их руки, и громко стучала каблучками бежевых лакированных туфелек. Дочь моряка!

А-ахтуба-а! Плаж пустынен в ранние часы. Река, отдохнув за ночь от зноя, вытесняет остывающий жар, он туманной дымкой тянется к её середине.

Первым в воду входит папа:

— Как парное молоко! — ныряет, ненадолго пропадает из виду, выныривает, отфыркивается: — Хорошо! — поворачивается ко мне: — Давай, смелей!..

Я с разбега — ух — в ласковую прохладу. Отталкиваюсь от плотного дна, плыву к папе — туда, где ему по шее. Он подхватывает меня и — броском в глубину. Взвизгиваю. Еле успеваю сгруппироваться «бомбочкой». Бултых!.. Жутковато под водой! Скорей, скорей наверх! Ура, дышу. Жмурюсь. Быстро-быстро, по-собачьи — к папе.

— Гребни, как я учил. Вот так, — показывает он, — кролем!

— Разве кролики плавают? — чуть не захлёбываюсь от восторга и от воды.

— Все плавают, и ты не трусиха. — Папа снова подхватывает меня, поднимает выше головы, бросает...

Выхожу на песок, ещё не раскалённый солнцем. Днём он жжёт нестерпимо! Лишь успевай — подпрыгивай, пока бежишь с пригорка к тёмной сырой полосе берега, где можно спокойно сидеть, черпать из раскопанной ямки текучую густоту и строить сказочные дворцы. Но это — днём. Сейчас стою на сухом песке, греюсь в мягких лучах невысокого солнца.

Тумана как не бывало. Смотрю на тихое течение. Вода у берега прозрачна, снуют стайки мальков — их тут легко ловить сачком. Мальчишки так и делают, затем солят, словно кильку. А мне мальков жалко.

Рыбы тоже просыпаются, то одна всплеснёт в стороне, то другая. Глупые, докувыркаетесь, чайки уже не спят — их стрижи разбудили, носясь наперегонки и визжа, кто громче. А чайки молча парят в синем небе, над синей водой, ждут момента, чтобы спикировать.

Папа выходит на берег, садится на песок, обхватывает колени, смотрит на чаек. Сначала задумывается о чём-то, потом тихо начинает напевать:

— Летят белокрылые чайки — привет от родимой земли... — но у него плохо получается, не хватает музыкального слуха, и он уже не поёт, а читает: — Написана золотом, золотом славы на ленточках наша судьба...

Умолкает. Наверное, запоёт другую — ту, что недавно записал на магнитофон и каждый день слушает. Мне тоже та песня нравится, и певец — он похож на папу, но поёт хорошо, потому его и показывают по телевизору. «О море, море, преданным скалам ты ненадолго подаришь прибор...»

Тогда я ещё не видела моря, но как будто знала его всегда. Мама рассказывала, папу забрали в армию почти сразу после их свадьбы. Служил он четыре года. Мама каждый свой отпуск ездила к нему в Калининград. В последний год папиной службы они узнали, что скоро на свет появится кто-то новый. Появилась я. Возможно, с того папиного и маминого свидания, во мне живёт, как говорил папа, моряцкая любовь к морю.

Солнце медленно поднимается, золотится в безоблачном просторе, серебрится в Ахтубе — там, где она втекает в небо. Робко запеваю: «Море возьми меня, в дальние дали парусом алым вместе с собой». Папа, не поворачиваясь ко мне, перебивает:

— Дочь, давай лучше свою любимую... — глядит вдаль, сощуривает карие лучистые глаза. Круглая ямочка на его подбородке превращается в глубокую синеватую дырочку, кажется, она тоже куда-то вглядывается...

Медлю. Настраиваюсь. Мысленно переворачиваю в памяти картинку с морем и парусом и открываю картинку бескрайней степи. Она начинается сразу за нашим двором в городе Волжском, нужно лишь пересечь улицу Набережную и ты — в полынной равнине.

— Вот мы и за краем света, — обычно говорит мама, — позади последние фонари.

Когда мы летом живём дома, то почти каждый вечер перед сном ходим купаться на Круглое озеро. Узкая тропинка петляет в душистой высокой траве. Горький запах полыни щекочет ноздри, в нём чую и пряный перчик, и кожуру апельсина, и дымок сгоревшей спички. Со всех сторон звенят кузнечики. Ярко горит Венера. От папы знаю, её называют вечерней и утренней звездой, видна она дважды: сразу после захода солнца и перед его восходом. Почти под ней, на дальнем берегу Волги, прожекторы высвечивают монумент — Родину-мать. Стоит она на вершине Мамаева кургана, и её видно из окна нашей новой квартиры.

По тропе идём гуськом, папа впереди, я за ним, за мною мама. Песню кузнечиков перебивает нестройный хор лягушек. Значит, скоро — Круглое, уже видны его развесистые ивы. Ночью оно чёрное-чёрное, и если бы не папа с мамой, мне было бы страшно не то что плыть — по колено войти. А днём оно синее-синее, чистое-чистое...

— Ну же, — перебивает мои видения папа, — забыла слова?

— Нет, щас...

Смотрю на стрижей. Как высоко стригут они небо, как звонко кричат, подбадривают. Вдыхаю поглубже и в полный голос:

— Гляжу в озёра синие, в полях ромашки рву...

Песня летит за птицами, я как будто тоже лечу...

Папа, ты, наверное, хотел сына? Назвал бы его Андреем, чтобы он вместе с именем нёс в душе Андреевский флаг. И меня ты воспитывал, как мальчишку:

— Надо — дерись, будь сильной... — Показывал, куда больнее бить, если что: — Ребро ладони и стопы бывают опасней кортика.

Эти твои уроки, папа, не пригодились, я всё-таки женщина. Зато, благодаря тебе, детство моё пропитано запахами полыни, пресной воды и свежей рыбы. И — солнца. Да, оно тоже пахнет, в каждое время года по-разному. Зимой — срезом арбуза. Весной — озоном. Им наполнен зеленоватый свет, стиснутый в трубочке больничного аппарата «тубус-кварц»: мне не раз лечили нос и горло, и я узнавала запах весенних солнечных лучей. Летом солнце отдаёт лёгкой горечью, как в разгрызенной косточке спелой вишни. Осенью — сухой листвой и пылью, гречишным мёдом и смолой сливы.

«С чего начинается Родина?..» С запахов. Донесётся вдруг откуда-то нотка родного аромата, и невольно вспыхнут в памяти живые моменты прошлого: хоть на миг, да захватят — целиком.

Вишня. Ею объята моё детство в Волжском. Когда мы переехали в Набережные Челны, я тосковала по нашей даче. В строящемся новом городе садов не было, во круг — тоже. Я скучала по румяным мальт-багаевским яблокам, янтарным абрикосам, истекающим соком грушам! Но больше всего — по тенистым вишнёвым зарослям, где под каждым кустом — «и стол, и дом».

Папа часто ездил в командировки, налегке, с дорожной сумкой. Но однажды вернулся с огромным чемоданищем. Вошёл в квартиру, торжественно положил его в центре зала на пол, раскрыл, а в нём — ветки вишни с ягодами!

— С нашей дачи?! — Я запрыгала от счастья.

Потом сердце сжалось. — Ты сломал куст?

— Не бойся, вишня живучая, — погладил меня по голове. — Я аккуратно... По ветке с разных кустов, они с радостью отдавали их для тебя.

Ты оторвал вишнёвую двойную «серёжку» и повесил мне на ухо...

А наши рыбалки, папа! Лет с трёх помню: с берега, с лодки, или стоя в воде; с удочкой, спиннингом, жерлицей. Сколько блёсен

отшлифовала я швейной иглой до чудесного серебрения, хоть в уши вдевай. Не буду перечислять добытых и насаженных на крючок червей, скажу лишь спасибо тебе за умение видеть красивое даже в червяках и пауках, жуках и мухах. Ты брал меня с собой на летние и зимние, речные и озёрные ловли. Одна из первых остро врезалась в память.

Лето. Утро. Пойма. Солнце ещё не взошло, птицы не проснулись, а мы с тобой уже на берегу. Ты надуваешь велосипедным насосом лодку. Колдуешь над снастью — аккуратно разматываешь на покрывало тонкую, словно нить, белую резинку и почти прозрачную леску. Уплываешь на лодке к середине реки, опускаешь грузило. Возвращаешься. На берегу втыкаешь в песок высокую рогатку, пропускаешь через неё леску. Подвешиваешь маленький колокольчик:

— Если зазвенит, значит, клюёт. Сразу зови меня, а я пока тебе шалашик сооружу.

Сажусь на корточки. Леска не колышется. Колокольчик молчит. Вода похожа на атласную скатерть. Скучно. Хочется спать. И вдруг, я аж подпрыгнула, колокольчик — дзинь-дзинь!

— Плюё-от! Па-а-па! Плюё-о-от!

Неожиданно за спиной — громким шёпотом:

— Что ж ты так орёшь, бестолочь, — твоё дыхание обожгло затылок, — всю рыбу распугаешь... И не «плюёт», а «клюёт»...

На «бестолочь» я не обижалась, хотя и ёкало в животе.

Хорошо помнится и последняя наша рыбалка. Мне было восемнадцать. Мы с тобой стояли по колено в воде, поодаль друг от друга. У меня клевало. У тебя — никак...

А на море, папа, мы так и не побывали. Не до него было, тебя звали великие стройки: Волго-Донская ГЭС, Волжская, АвтоВАЗ и Тольятти, КамАЗ и Набережные Челны, Нижнекамская ГЭС, Норильск и Надеждинский металлургический... География могла быть шире, но ты рано ушёл. В сорок два. Внезапно.

Я сдала сессию в музыкальном училище. Канун Крещения. Каникулы. Утреннее солнце — в радужном столбе от земли до неба. Я дома одна.

Зазвонил телефон. Тревожный мужской голос:

— Ольга?

— Да.

— Это с работы... я работаю с твоим отцом... Он погиб...

— Что?! — до сознания не доходило дикое, ужасающее слово.

— Несчастный случай на дороге... Не знаем, как сказать твоей матери... Её вызвали с работы, нашли предлог... Ты сама скажи... Главное, будь рядом... Мы во всём поможем...

«Ленточка моя финишная, всё пройдёт, и ты примешь меня...» Папа, я для тебя разучила на пианино эту песню. Временами ты, устав после работы, садился на диван и просил сыграть и спеть. Тогда и представить было невозможно, как мне будет тебя не хватать.

Мне часто снился один и тот же сон: огромное закатное солнце — огненное на ультрамарине. На фоне солнца — твоё лицо, ясный улыбчивый взгляд.

— Ты жив, жив! — кричала я, — вернись!

Бежала к солнцу — тебя обнять. Ты отдалялся, а я слышала:

— Молодец, веришь...

Три года спустя — последний сон, больше сны с тобой не приходили. Ты вошёл в комнату, положил на кровать белое свадебное платье:

— Это тебе, Ольга. Посмотри в окно.

По улице к дому шёл молодой человек.

— Кто это, папа?

— Твой муж.

— Но я его не знаю!

— Будь счастлива, дочь...

* * *

А-а-ахтуба-а! Ах!.. Мне ещё шесть. Вот и мама рядом. Я и не заметила, когда она пришла. Плывёт к невидимой далёкой отмели. Я туда — только с папой, держась за мячик, завязанный в авоське. А мама там всегда отдыхает. Забавно: мама ступает посередине реки, будто умеет ходить по воде, словно водомерка. Нет, мама не водомерка, она Царевна-Лебедь! Глаза у неё такие же добрые и чуть печальные, как в книжке на рисунке. Карие, большие, но не прячутся под широкими бровями, при этом длинные ресницы до бровей достают. Многие говорят, папа и мама похожи, как брат и сестра, а мне так не кажется. Мама ласковой, мягче характером, но врать ей у меня не получается. Она умеет танцевать, а папа — нет. Ещё мама гибкая! В школе занималась гимнастикой. Недавно уговорила её сесть на шпагат, и она запросто села. Мне бы так. И поёт мама очень хорошо. Знает мои любимые песни, учит правильно брать дыхание. А имя у мамы — ни у кого такого нет — Марта! Оно нежное, его легко произносить, папа часто говорит — Марточка, Мартуля...

— Марта! — кричит он сейчас, — долго не гуляй, мы проголодались!

Мама возвращается, проплывает мимо нас, выходит на берег:

— Что же вы?.. Идёмте! — поднимает с песка полотенце, стряхивает, протирает волнистые тёмные волосы. Она в бордовом раздельном купальнике — сама сшила. Талия у неё узкая — папа может легко обхватить ладонями, и пальцы его смыкаются, а бедра широкие. Капли по коже сверкают мелкими чешуйками. Сейчас мама похожа на сказочную Русалочку. Но папа, в отличие от принца из той сказки, полюбил свою Русалочку всем сердцем, поэтому и голос у мамы сильный, поднимается из грудной глубины к высоким-высоким нотам.

* * *

Мама, догадывалась ли ты, что делали эти ноты с моей душой?! Что-то такое, что подвластно лишь виолончели и скрипке, ещё стрижем. Что-то такое, что умеет раздвигать небо, открывать его глубину.

Твой голос, мама, подарил мне песни ещё до моего рождения. А когда пуповину отрезали, он сохранил связь, и каждая жилка моя чуткой струной откликалась на его вибрации, резонировала в его настрое. Радость расплёскивалась во мне тёплыми каплями дождя, который зря называют слепым: в дождинках сверкает солнечный взгляд, пожелавший пролиться весельем. А вот печаль остужала кровь до озноба, порой, до леденящей ломоты в теле.

Почему ты больше любила грустные песни? «То моё, моё сердечко стонет, как осенний лист дрожит...» О чём болела твоя душа? Ты не жаловалась, только говорила:

— Песня душу лечит...

Мама, вы с папой всегда вместе работали и дома обсуждали рабочие дела. Наши вечера иногда превращались в планёрки — это слово я не любила. С ним в мою жизнь вошли и другие: «качество, количество» — колючие какие-то; «битум» — драчливое, будто от слова «бить»; «щебень» — я им дразнила мальчишек: «Ты — щ-щебень!» Вы с папой из-за этих слов спорили. Даже ссорились. Но ссоры быстро завершались, когда папа обнимал тебя:

— Мартонька, спой.

Ты улыбалась. Пела для него: «Снова закат и река, снова я жду, я жду моряка... знать, я другой любви не хочу». И я решила: «Вырасту — ни за что не буду строителем, буду певицей».

Песни примиряют людей, хранят любовь.

* * *

— Ну, что же вы? — кричит мама с берега. Торопит нас с папой на дачу: — Сырники заждались.

Я капризничаю:

— У-у, ещё чуть-чуть.

— Вова, вытаскивай эту жадную до воды утку.

Начинается игра. Папа — ко мне, я — от него, он хватается за меня, смеюсь от щекотки, уворачиваюсь, но папа сжимает меня под мышкой и выносит на берег. Шутя командует:

— Стоять! Смирно!

Мама обтирает меня полотенцем:

— Непослушная Оля-Манюля, такая большая, а всё как маленькая.

Возвращаемся на дачу. Бегу впереди мамы и папы. Лечу, раскинув руки с полотенцем на плечах, как крылья:

— Не зна-аю счастья большева-а, чем жи-ить одной судьбо-ой...

На словах «Иванами да Марьями гордилась ты всегда» мне видится бескрайнее поле жёлто-фиолетовых цветов «иван-да-марья», над полем — соколы. Только не ясно, почему «не все вернулись соколы, кто жив, а кто убит».

— Мам, а какие соколы и откуда не вернулись? И почему кто-то убит?

— Ты же любишь песню «Орлёнок»?

— Люблю. А что?

— О ком там поётся?

— Об орлёнке... О хлопце... Он же сам поёт: «Меня называли орлёнком в отряде».

— Ну вот. А в этой песне — о солдатах, их сравнивают с сильными соколами. Только не все с войны вернулись на родину, домой.

— Как это петь? Больно, — в горле сжался ком.

— Пой, — мама наклоняется, тёплыми ладонями обхватывает мои щёки, приподнимает голову, смотрит мне прямо в глаза — так, словно всю меня душой обнимает: — Пой, и боль пройдёт. Боль тоже умирает.

— Боль умирает?! А что остаётся?

— Жизнь. Земля и небо остаются, они дают жизнь.

— Как?

— Как слова и музыка — песню.

